

DOI: 10.46698/n5589-7582-1942-g

С. ГОРОДЕЦКИЙ И ОСЕТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Р. Н. Абисалова

Одна из значимых проблем мировой художественной культуры — проблема взаимосвязи и взаимовлияния литератур. Она еще более актуальна в России, которая позиционируется как многонациональное государство. Потому роль межкультурного диалога русской и осетинской литературы, возникшего в конце 19 века, лишь увеличивалась в последующие десятилетия. Ощутимым в развитии этого диалога представляется творчество выдающегося российского поэта, прозаика, переводчика, журналиста, педагога и художника Сергея Митрофановича Городецкого, вошедшего в русскую литературу на рубеже XIX и XX веков в рамках культуры «Серебряного века». Эта эпоха составила гордость отечественной литературы, дав миру А. Блока, А. Ахматову, С. Есенина, И. Бунину, В. Брюсова, Н. Гумилева, К. Бальмонта, О. Мандельштама, В. Маяковского, М. Волошина и многих других. Наследие С. Городецкого поражает жанровым многообразием — поэзия, проза, драматургия, оперные либретто, публицистика, критика, литературоведческие статьи, переводы. Его долгое творчество развивалось под влиянием русского фольклора, символизма, неоромантизма, неомифологизма, он сформулировал задачи акмеизма. Предлагаемая работа посвящена осетинским литературным связям Городецкого, практически не отраженным ни в его биографиях, ни в исследованиях творчества. В 1919 г. журналистская судьба привела поэта на Кавказ, полюбившийся ему на всю жизнь. Его знакомство с Осетией началось с Нартовского эпоса, с перевода в 1920 г. нартовской легенды об Ацамазе и Агунде. В 1928 г. он обратился к осетинскому Даредзановскому эпосу и творчеству осетинского драматурга Е. Бритаева, создав либретто оперы «Амран», поставленной на сцене Большого театра. В 30-е годы со знакомства с поэтом Харитоном Плиевым начинается новый этап осетинских литературных связей Городецкого. Началом их многолетней творческой дружбы стал перевод стихотворения Х. Плиева «Æнæхуыссæг æхсæв», написанного на смерть Кирова. Городецкий, опытный переводчик, приложил немалые старания в поисках адекватности образности, художественных особенностей, выразительности осетинской поэтической речи. Помощь в этом ему оказали знания, приобретенные в середине 20-х гг., когда в качестве корреспондента газеты «Известия» он побывал в Осетии, познакомился с ее этнографией, культурой, эпосом, обрядами и обычаями, встречался с народом Осетии. Затем Городецкий обращается к образу выдающегося осетинского поэта Коста Хетагурова, любовь к которому, обусловленная общностью идейной направленности их творчества, отношения к народу, к фольклору, оставалась неизменной до конца жизни. В статье рассмотрены переводы Городецкого стихотворений Харитона (Хадо) Плиева, посвященных Коста. Их отличает высокое качество перевода, глубокое проникновение в специфику осетинской поэтической речи, художественного мышления национальных поэтов, их духовно-нравственных ценностей. Также проанализировано стихотворение Городецкого «Коста Хетагурову», написанное в 1939 г. к юбилею поэта и прочитанное им на торжествах во Владикавказе (тогда Орджоникидзе). Через несколько десятилетий это стихотворение перевел на осетинский язык поэт Хаджи-Мурат Дзуццати.

Ключевые слова: С. М. Городецкий, рубеж веков, «Серебряный век», поэзия, Кавказ, Осетия, перевод, Х. Плиев, К. Хетагуров.

Рубеж веков в русской культуре, Л. Анненским, известным писателем особенно в литературе, был настолько и критиком, о том, что количество плодовит, что мысль, высказанная на единицу литературной пло-

щади настолько велико, что позволяет задуматься о случайном всплеске природной энергии, стала почти аксиомой [1, 5]. Исследователи литературы этого периода П. Басинский и С. Федякин в работе «Русская литература конца XIX — начала XX века и первой эмиграции», перефразируя эту мысль, пишут: «Плотность разнообразных художественных талантов на сравнительно небольшой географической площади, занимаемой дореволюционными Москвой и Петербургом, была настолько высока, что ей нет соответствующих примеров не только в русской, но и в мировой истории. Одних поэтов — великих, крупных и просто значительных — десятки!» [2, 9]

Конец XIX и первые десятилетия XX в. вошли в историю русской литературы и искусства под названием «Серебряного века» в отличие от «Золотого века» литературы XIX в. Перечень отечественных поэтов, прозаиков, драматургов, литературных критиков, художников, композиторов — от гениальных до ординарных — займет значительное место. Одни имена навсегда составили золотой фонд российской культуры, и каждое новое поколение открывает их для себя с новой стороны. Другие были поглощены безжалостной пучиной времени, их творчество по разным причинам не было оценено по достоинству и еще ждет своих исследователей и критиков.

А. Ахматова и А. Блок, О. Мандельштам и С. Есенин, В. Брюсов и М. Волошин, В. Маяковский и К. Бальмонт, Н. Гумилев и А. Белый, И. Бунин и М. Цветаева — к этому списку великих имен можно прибавить и многие другие, составившие гордость российской литературы. Их великое творчество подтвердило факт, что XIX век, давший миру Пушкина, Лермонтова, Не-

красова, Тютчева, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, передал вполне достойную эстафету новому столетию. Уже на заре 20 века молодая российская словесность, обогащенная опытом и традициями классической русской литературы, смело вступила на путь поисков новых форм и методов творческого отражения действительности. Необходимость этого новаторства обусловлена самой реальностью столкновения двух веков, полной противоречий, неоднозначности, пестроты, драматизма, а нередко и трагизма. Все это было характерно для европейской культуры, но еще в большей степени — для русской, ибо Россия, потрясенная событиями русско-японской войны и первой русской революции, вслед за этим была вовлечена в пучину первой мировой войны, а затем двух революций и гражданской войны. В этих условиях выкристаллизовалась литература Серебряного века с ее гениальными открытиями в области художественного творчества и мучительными поисками правды и своего места в новой, иногда непонятной и нередко пугающей российской действительности. Исследователь русской литературы рубежа XIX и XX вв. Л. К. Долгополов писал: «Пестрота литературной жизни, многообразие форм творчества, противоречивость литературных исканий и острота идеологической борьбы — вот первое, что бросается в глаза при знакомстве с искусством конца XIX — начала XX века» [3, 6]. Именно в эту сложную эпоху начинается творческий путь талантливого художника в самом широком смысле этого слова Сергея Митрофановича Городецкого (1884-1967), чье обширное художественное наследие поражает жанровым, типологическим, стилистическим многообразием. Его литературные интересы простираются

от глубин русского фольклора до творений художников итальянского Ренессанса, от темы труда бедной русской прачки до страданий армянского народа, подвергшегося геноциду, от рвущего сердце описания голода на Волге до восторга от внезапно открывшейся красоты горного осетинского ущелья, от скандинавского Тора до нартовского Курдалагона. С. Городецкий стремительно ворвался на «Олимп» русских символистов, неомифологов, неоромантиков, декадентов, поразив тех, кого, казалось, было уже нечем удивить, своим молодым напором, фонтаном энергии, погруженностью в тайны древней Руси с ее богами и божками, лешими и русалками. Ему не чуждо активное словотворчество, смелый натурализм, он наслаждается возможностью использовать фольклорные мотивы и образы, песенные интонации. «Хотя он родился и вырос в Санкт-Петербурге, Городецкий любил русскую деревню, интересовался, как и многие его современники, фольклором и в особенности пережитками язычества.... В лучших его стихах слышатся голоса скал, деревьев и воды. Его первая книга «Ярь», от которой веет духом сосен и весенней свежестью, была встречена с восторгом» [4, 276]. Его творческий метод явил симбиоз русской классической поэзии и успешного воплощения в стихах новаторского понимания целей и задач современного поэтического искусства. В ранних стихах поэта слышны интонации всех жанров русского народного поэтического творчества — драматической баллады, надрывного плача, лирической песни, дерзкой частушки, притчи, легенды. Литературное окружение С. Городецкого благожелательно впустило его в круг петербургского творческого «Ареопага», о чем свидетельствуют отзывы А. Блока, В. и Г. Ивановых,

В. Брюсова и др. Оно же и осудило поэта, безоговорочно принявшего новый строй и посвятившего жизнь служению родной стране и народу. Мучительные размышления о своем назначении и месте в отечественной литературе привели его к уверенности в невозможности творить вне родины, в необходимости приспособиться к условиям жизни и литературного творчества, единственно возможным в то время, в которое ему выпало жить, и в той стране, где он родился и стал поэтом:

Теперь иное назначенье
Открылось духу моему,
И на великое служенье
Я голос новый подыму...
Да будет всем всегда понятен
Судьбою выкованный стих,
Равно вчера и завтра внятен,
Равно для юных и седых [5, 200].

Это стихотворение («Поэт») было написано Городецким в 1907 году и осталось программным на всю жизнь.

Сергей Городецкий прожил долгую творческую жизнь, отдал дань не только поэзии, которой был предан до конца своих дней, но и прозе (большой и малой), драматургии, журналистике, публицистике, оперным либретто, литературоведению, просветительской и педагогической деятельности. Еще одна ипостась творческой личности Городецкого — переводческая, присущая многим поэтам «Серебряного века». Перечень имен зарубежных и советских авторов, чье творчество стало доступным для русскоязычного читателя благодаря его талантливым переводам, заняло бы значительное место в статье. Помимо переводов, Городецкий проделал колоссальную работу по составлению, редактированию и изданию собраний сочинений, антологий и сборников многих российских и зарубежных литераторов. Нельзя не отметить, что природа не обделила его

и талантом художника — он автор многочисленных иллюстраций к художественным произведениям, портретов, дружеских шаржей, рисунков. Часть из них имеет прямое отношение к Осетии [6, 87-103].

Обширное творческое наследие поэта невозможно охватить в рамках отдельной статьи, оно требует серьезного исследования. Цель настоящей работы значительно скромнее — осветить лишь один аспект связи творчества С. Городецкого с Осетией, осетинской культурой, наукой, духовной жизнью. Этот аспект можно обозначить как «Сергей Городецкий и осетинская литература».

Первое знакомство Городецкого с Осетией и осетинами произошло в конце второго десятилетия XX века, когда насыщенная, полная коллизий жизнь поэта привела его на Кавказ — сначала в Грузию, потом — в Азербайджан и Армению, с которой он на всю жизнь сохранил прочные творческие связи. Кавказ предстал перед Городецким во всем величии экзотической, так непохожей на равнинный российский пейзаж, природой с ее бурными реками, заснеженными горными вершинами, непривычными для русского слуха и глаза языками, музыкой, танцами. Воспитанный на традициях классической русской и мировой художественной культуры, знаток не только отечественного, но и мирового фольклора, Городецкий без усилий принимает и культуру Кавказа. В Грузии он сотрудничает со многими поэтами, писателями, художниками, журналистами — П. Яшвили, Т. Табидзе, И. Гришашвили, О. Сориным (он в 1919 г. нарисовал портрет Городецкого), С. Судейкиным, Л. Гудиашвили и многими другими. Городецкий стал одним из лидеров культурной жизни Тифлиса в начале 20-х годов: он издавал журналы «Арс»

и «Нарт», в газете «Кавказское слово» печатал статьи по искусству и литературе, читал лекции по культуре в консерватории. Вероятнее всего, именно от Ладо Гудиашвили (Владимира Гудиева), известного художника, иллюстратора романа «Амирани Дареджаниани», Городецкий услышал слово «нарт», давшее название основанному им журналу, а также узнал о герое Дареджановского эпоса Амране. Значительное количество записей этого эпоса сделано в осетинских селах Грузии. Через десять лет он обратится к образу кавказского Прометея Амрана и создаст либретто одноименной оперы, где все персонажи будут носить осетинские имена, вся топонимика будет также осетинскими.

В 1919 г. Городецкий переехал в Баку, где продолжил активную журналистскую и просветительскую работу. Здесь он познакомился с Азгиреем Тугановым, сыном известного сказителя Татаркана Туганова и близким родственником Махарбека Туганова. Городецкий с благодарностью вспоминал о том, что именно Азгирей рассказал ему нартовскую легенду об осетинском Орфее Ацамазе и его возлюбленной Агунде. Результатом знакомства Городецкого с А. Тугановым стал прекрасный перевод части этой легенды на русский язык [7]. Кроме того, со значительной долей уверенности можно предположить, что именно от Азгирея Туганова, активного члена осетинского общества в Баку, Городецкий узнал о талантливом писателе, впоследствии основоположнике осетинской драматургии и первом осетинском символисте, Елбыздыко Цопановиче Бритаеве. На рубеже 1-2 десятилетий XX в. он жил и работал в Баку, где тесно общался с осетинской диаспорой. В октябре 1909 г. на сцене Бакинского общественного собрания силами осетинского

театрального кружка был поставлен спектакль по драме Е. Бритаева «Хазби». В газете «Каспий» от 11 октября была помещена положительная рецензия на спектакль: «...Заглавную роль исполнил сам автор и, надо отдать ему справедливость, с большим энтузиазмом. Остальные молодые исполнители поддерживали ансамбль и произвели хорошее впечатление на зрителей» [8, 129]. В устройстве осетинского вечера и постановке спектакля самое активное участие приняла Лиза-Ханум Мухтарова, т.е. дочь осетинского генерала Хамби Туганова, жена нефтепромышленника Муртазы Мухтарова. В 1910 году усилиями этого же кружка в Баку были поставлены еще два спектакля по пьесам Е.Ц. Бритаева — «Уараседзау» и «Худинаджи басты малат» [8, 130]. В этот период писатель обращается к осетинской мифологии и фольклору, активно работал над созданием образа осетинского Прометея, в Баку он закончил первый вариант драмы «Амран». Это произведение в его законченном варианте стало главным в творчестве Бритаева. Как указывает исследователь творчества Бритаева Г.П. Дзаттиаты, «существует несколько осетинских легенд об Амране...трагедия Е. Бритаева написана на основе этих легенд...» [9, 137-138]. Одну из этих легенд Бритаев приводит в статье «Еще раз о скованном Прометее» [10].

Городецкий, знаток мирового фольклора, был увлечен «вечным» образом прикованного героя-богоборца, неоднократно обращался к нему в своем творчестве. Автор множества оперных либретто, Городецкий именно этот музыкально-драматический жанр избирает для воплощения образа Амрана. В 1928 г. он представил либретто оперы «Амран» на конкурс, объявленный Большим театром, и завоевал там пер-

вое место. Идеино-художественный анализ этого произведения позволяет убедиться в том, что автор основывается на двух источниках — осетинском Даредзановском эпосе и драме Е. Бритаева «Амран». Символистская направленность драмы Бритаева не могли не привлечь внимания Городецкого, чей творческий метод сформировался под влиянием западного и русского символизма. Законы жанра оперного и балетного либретто предполагают некоторое облегчение драматического и философского звучания литературного источника, на котором оно основано (достаточно вспомнить «Фауст» Гете и одноименную оперу Верди, «Дон Кихот» Сервантеса и балет Минкуса с тем же названием, «Даму с камелиями» А. Дюма-сына и «Травиату» Д. Верди, роман Достоевского «Игрок» и оперу С. Прокофьева по мотивам этого произведения и т.д.). Это мы наблюдаем и в «Амране» Городецкого — у него отсутствует «фаустовская» тема, столь важная для Бритаева, нет мотива «хромого беса», известного западной литературе, не так отчетлива философская символика, хотя Городецкий в раннем творчестве развивался в контексте русского символизма. Тем не менее, само использование древнего образа Прометея-Амрана для трансляции актуальной для кавказских народов идеи преодоления родовой вражды, кровной мести, угнетения женщин, преемственности поколений соотносит «Амрана» Городецкого и Е. Бритаева. Авторов сближает эпическое воспроизведение мифологического времени на фоне реального географического и этнографического пространства, а также ослабление богоборческой идеи, столь характерной для образа западного Прометея. В то же время Городецкий не копирует драмы Бритаева, он новаторски вводит в кон-

текст либретто любимых им нартовских героев Азцамаза и Агунду, усиливает лирическое звучание мотивом музыки и музыканта. Кроме того, в финале либретто он показывает освобождение Амрана, чего нет у Бритаева [11].

Таким образом, «Амран» Городецкого не был первым обращением к осетинскому эпосу, но стал первым в его творчестве обращением к осетинской литературе, интерес к которой в последующие годы не ослабевает.

Как уже было сказано, значительное место в творчестве Городецкого, как и в творчестве большинства поэтов «Серебряного века», занимают переводы зарубежной и российской поэзии. Так, в 1936 году он впервые обращается к осетинской поэзии — переводит стихотворение молодого поэта Харитона Плиева «Æнахуыссæг æхсæв» («Бессонная ночь») [12, 28]. Это стихотворение было написано в 1934 году Москве, во время учебы Х. Плиева в Литературном институте (тогда еще МИФЛИ), как реакция на трагическую смерть Сергея Мироновича Кирова. Жизнь этого выдающегося государственного деятеля в начале 10-х годов прошлого века была связана с Владикавказом, где он работал в редакции газеты «Терек» и вел подпольную работу. Харизматичная внешность, мягкая улыбка, негромкий, но звучный голос, простота и скромность способствовали значительной идеализации и даже мифологизации его образа, который в наше время трактуется не столь однозначно. Известие об убийстве Кирова потрясло всю страну и горестным эхом отозвалось в Осетии. Так, Плиев воспринимает его гибель как потерю самого близкого человека, отсюда та неподдельная скорбь, которой проникнуто стихотворение. Именно эта подкупающая искренность привлекла к нему внимание Городец-

кого, который в это время преподавал в Литературном институте и был знаком с будущим известным осетинским поэтом. Их личная дружба и творческие связи продолжались в течение многих лет. В сборнике стихов, в котором опубликован перевод стихотворения Плиева, автор назван не официальным именем Харитон, а по-дружески Хадо, как называли его близкие люди [13, 332-334].

Название стихотворения, первоначально звучавшее как «Æнахуыссæг æхсæв», в переводе Городецкого обозначено коротко и сурово — «Кирову». Похоронный марш Шопена, которым озвучена морозная московская ночь, окрашивает стихотворение трагическим лиризмом, становится лейтмотивом стихотворения:

Ночью морозной одета,
Внемлет Шопену Москва.
Юное сердце поэта
Страшные слышит слова,
Раненым зверем в пещере
Бьется оно и дрожит.
Нет, мы не верим, не верим!
Киров врагами убит!...

Sau æхсæв, uazal. Mæskuuju
Quysy Šopeny qyg cahd.
Zærdæ mæ riuy yskhuyjy,
Susægæj cæssyg ærtahd.

Городецкий мастерски передает психологизм оригинального текста, ему понятно душевное состояние юного поэта, возможно, он и сам пережил трагические моменты, когда горе мешает настроить лиру и найти нужный стихотворный ритм:

Лиру настроить нет силы,
Ритма найти не могу.
Руки от гнева заныли,
Боль цепенеет в мозгу.
Слезы струятся невольно,
Выхода горю ища.
Вымолвить трудно и больно:
— Милый наш Киров, прощай!...

Nal kæsy liræ mæ kommæ,
 Adærgæj rizy jæ qis.
 Ne «ncajy sau æxsæv bonmæ
 Sahæssag zærdæjy ris.
 Næ, mæn næ uyrny, næ uyrny:
 «Amardi Kirov?» — færsyn.
 Оххаж, ныр абын сæй зын у
 «Kirov, fændarast» — zæhyn.

Следуя оригиналу, Городецкий в своем переводе возвышает образ Кирова до эпических высот, превращая его в сказочного богатыря, что характерно для народной поэзии:

Был ты героем могучим,
 Высших утесов орлом...
 Пули в ущельях скалистых
 Враг в твое сердце метал.
 Но, как утес каменистый,
 Ты непреклонно стоял...
 Kirov — cærgæsæj ævzyhddær,
 Tohy ja zærdæ sæxær...
 Næmguytæ arf kæmtty niudtoj,
 Toppytæ kaldtoj fæzdæg.
 Znægtæ sæ badæntæj sqiudtoj,
 Hæxtæ — ævdisæn, uynæg.

Героизация персонажа достигает кульминации, когда Киров, как нартовский герой, наделяется мечом, и это не противоречит тексту оригинала:

Меч твой, не зная отпора,
 Вражеский круг разгромил...

Fatau-iu taxti jæ bæxyl,
 «Xsargard næ kodta khuumyx...

В переводе этого стихотворения Городецкий широко использует метафоры, гиперболы, персонифицирует неодушевленные понятия:

Терек в отчаянье сиром
 Мечет свой слезный прибор...

Terk dær nynnudta fyr mæstæj,
 Kæmtty jæ qaræg sæu...

Олицетворяется не только Терек, но и «старый Казбек», который своей седой бородою покрыл прах героя:

Вот он седой бородою
 Прах твой, склонившись, покрыл.

Cinæj jæ urs zače daudta
 Chitidšyn Qazbedžy xoh...

В последних строках перевода лиро-драматическая мелодика стиха сменяется четким маршевым ритмом, соответствующим патетике заключительного аккорда:

Будем бороться без страха!
 Мы за тебя отомстим!
 Знамя победы над прахом
 Мы поднимаем твоим.

Ard dyn hægæt max, næ uarzon:
 Znægtæ sæudzasty byndzahd.
 «Rttivdzæn syrх tyrysa dardyl,
 Aivdær quysdzæn næ zard.

Перевод стихотворения Харитона Плиева «Бессонная ночь», на русском языке получившего новое название — «Кирову», стал для Городецкого первым, возможно, не самым удачным, опытом перевода осетинской поэзии. В последующие годы творческие и дружеские связи двух поэтов будут продолжены. Эти связи в значительной степени были обусловлены обращением к поэтическому наследию Коста Хетагурова, которое явилось важнейшим звеном в осетинской странице творчества Городецкого. Соприкоснувшись с художественным миром осетинского поэта, Городецкий не расставался с ним до конца жизни. Не расставался ни с его творчеством, ни с его изображением. Об этом свидетельствует фотографический портрет Коста, висевший в его кабинете, а ныне хранящийся в Научном архиве СОИГСИ.

В 1936 г. в Осетии отмечали 30-летие со дня кончины Коста и уже готовились к празднованию 80-летия со дня его рождения. В газете «Пролетарий Осетии» был опубликован авторизованный перевод с осетинского языка Сергея Городецкого стихотворения Харитона Плиева «Къостамаæ» (в русском переводе — «Коста») [14]. Оригинал этого стихотворения Хадо Плиев прочитал через три года на торжественном

заседании, посвященном празднованию юбилея великого осетинского поэта, где он возглавил делегацию Союза писателей Южной Осетии [15, 266-269]:

Взошла заря янтарная,
И солнце светозарное
Сверкнуло над горой,
Лучи свои рассеяло
И щедро их посеяло
На холм могильный твой.
Там дерево печальное
Растет, многотрадальное,
В тоске немой застыв.
О, милое! Вчера еще
С зарею догорающей
К земле клонилось ты.
Теперь, смотри, как весело
Ты шелк листвы развесило,
Как радуешь ты взор!
Как ветки выпрямляются,
Как листья расправляются
И рвутся на простор!
К тебе, о Коста, ранее
Народного страдания,
К тебе стремился вал...
Теперь путями дальними
К тебе пришел, печальному,
Твой отпрыск молодой,
И над твоей могилою,
Великой, полон силою,
Склонился твой Хадо...
...О, где ж ты, Коста? Разве ты
Не слышишь, сколько радости
Струит наш бурный симд?
Что ж землю не взрываешь ты?
Что ж песню не сыграешь ты
Товарищам своим?...
...С каким бы вдохновением
Твое, о Коста, пение
Сейчас звучать могло!

Уый райсом у, рæсугд райсом,
Бæрзонд хохæй тын нывандгæ,
Ысдардта хур йæ был.
Кæм дæ, Къоста, дæ ингæныл,
Йæ рухс тынтæ куы байтыдта,
Куы байтыдта дæрдтыл?
Дæ цырты раз рæхснаг бæлас
Куы сырæзыд æрхæндагæй,
Æрхæндагæй, мæ хур.
Ызнон дæр а сæр-гуыбырай

Йæ цæссыгтæ куы фезгъæлдта,
Фыр мæтæй-иу ныддур.
Нырма йæм кæс, куыд хъæлдзæг у,
Цыллæ сыфтæ куы ныххудынц,
Куыд райдзаст у йæ каст!
Нынниудта-иу сæууон дымгæ
Нæ дзыллæйы уæззау цардыл
Дæ цырты цур æваст.
Хæххон дымгæ нæ сидзæртæн
Сæ сагъæстæ дæумæ скъæфта,
Дæумæ, Къоста, дæумæ...
Ныр дæм фæзынди дард бæстæй
Æхсаримæ, саумæ райсом,
Дæ хъæбултæй сæ иу.
Дæ ингæныл куы ныххауы,
Цæссыг калгæ, дæхи Хадо,
Куы ныххойы йæ риу...
Кæм дæ, Къоста, куыд нæ хъусыс
Нæ хъæлдзæг зард, нæ симды цагъд,
Куыд нæ стоныс дæ цар:
Дæ фæндырæй, зæллангæнгæ,
Ды мах разæй куыд нæ цæгъдыс
Нæ дуджы цин, нæ зард!...
...Кæм дæ, Къоста, куыд ныджджих дæ:
Нæ бæстæйæ куы айзæлы
Дæ фæндырæн йæ цагъд!

Перевод Городецким на русский язык стихотворения Плиева сделало его доступным для сотен тысяч русскоязычных читателей. Переводчику удалось не только воспроизвести его содержание, но и передать весь спектр чувств молодого поэта, оплакивающего рано покинувшего мир Коста Хетагурова, чье творчество так дорого не только осетинам, но и всем, кто знаком с его наследием. Переводчик, не знающий языка оригинала, вынужден ориентироваться только на подстрочник, в котором отсутствует душа поэзии, авторская стилистика, метрика, музыкальное звучание, образность, метафоричность и т. д. В стенографическом отчете юбилейных торжеств помещен подстрочный перевод стихотворения Плиева «Къостамæ» Бритаева, сравнение которого с переводом, сделанным Городецким, позволяет оценить кропотливый

труд и высочайший уровень мастерства Городецкого-переводчика, основанного на богатом опыте и высоком профессионализме. Перевод передает тончайшие оттенки переживаний поэта, не утрачивая при этом жанровых черт фольклорного плача: обращение к умершему Коста, как к живому, одушевление природы, параллелизмы, повторения и т. д.

В 1939 г. С. М. Городецкий, как и многие советские поэты, присутствовал на торжествах, посвященных 80-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова, в качестве почетного гостя, где выступил перед делегатами с чтением стихотворения «Коста Хетагурову», написанного в честь горячо любимого поэта. Городецкий был представлен делегатам известным осетинским писателем, тогдашним директором СОНИИ, Б. Боциевым. Стихотворение, прославляющее Коста, привлекает искренней теплотой, глубоким пониманием значения творчества великого поэта для осетинской культуры, оно проникнуто лиризмом, в нем отсутствует налет официоза, часто присущего произведениям, написанным по поводу каких-либо знаменательных дат:

Здравствуй, песенник бессмертный,
Друг народа беззаветный,
Наш любимый друг Коста!
Рано ты унес в могилу
Эту песенную силу,
Рано ты сомкнул уста.
Как весенней бури грохот,
Прогремел ты с Адай-Хоха
Словом смелым, боевым.
По сердцам, по склонам горным
Сеял ты зерном отборным,
Полновесным и живым.
Посмотри, как пышны всходы,
Как грозы октябрьской годы
Изменили древний край!
Сколько радости и гула
Слышат сверху по аулам
Адай-Хох и Джимарай!
Не струится больше горе

По долинам и по взгорьям,
И на весь советский мир
От полных стран до юга
Прозвучала песня друга,
Зазвенел Ирон фандыр.
Здравствуй, песенник бессмертный,
Друг народа беззаветный,
Наш любимый друг Коста!
Ты сегодня из могилы,
Полный радости и силы,
Навсегда, навеки встал! [15, 327-328].

Удивителен факт, что это стихотворение не вошло ни в один сборник Городецкого, в то время как оно представляет собой образец лучшей поэзии зрелого периода его творчества. Подчеркивая народный характер наследия Коста, его непреходящее значение для осетинского народа на все времена, Городецкий делает его достоянием и мировой художественной культуры, указывая на то, что «песня друга», его «Ирон фандыр» зазвенели «на весь советский мир». Своим интересом к осетинской культуре, литературе, фольклору, этнографии, умением проникать в самую суть духа и чаяний осетинского народа Городецкий заставляет вспомнить слова Достоевского, характеризующего секрет народности великого Пушкина. Он определяет его как «способность всемирной отзывчивости», воплощения в своих произведениях «идеи всемирные..., в которых...отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении». Можно с уверенностью сказать, что русский поэт С. М. Городецкий также не был лишен дара «всемирной отзывчивости». Ему одинаково понятны страдания подвергшихся геноциду турецких армян, тяжесть рабского труда яванской сборщицы кофе, беспросветная нищета неграмотных осетин-горцев и душевная боль слепой русской матери, сидящей у окна в ожидании возвращения сына из тюрьмы. Даже

если он в полной мере не обладал пушкинским «свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность», восклицием «Наш любимый друг Коста» он отождествляет свою любовь к поэту с любовью к нему осетинского народа, демонстрируя этим силу духа русской народности, ибо она есть по Достоевскому «...стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности» [16, 456-457].

Образ «бессмертного песенника» Коста вписан Городецким в контекст горных склонов Адай-Хоха и Джимарая, полных динамики, трансформируясь из лирического в лиро-эпический. Тяготение Городецкого-лирика к эпическому восприятию мира отмечал А. Блок: «Городецкий имеет полное право называть свои стихи не только лирическими, но и лиро-эпическими, потому что красная нить событий пронизывает лирику» [17, 146]. Это в полной мере подтверждает небольшое стихотворение «Коста Хетагурову», буквально насыщенное событиями и пролонгированное хронологически приемом перенесения героя в современную эпоху. Кроме того, широко используется фольклорная стилизация, присущая как символистам, так и акмеистам русского «Серебряного века», к которым имел самое непосредственное отношение Городецкий в период формирования его творческого метода. Это стихотворение было переведено на осетинский язык в последующие годы нашим современником, поэтом Хаджи-Муратом Дзуццати (1935–2000), что подтверждает тот факт, что интерес переводчиков к осетинской странице творчества Городецкого не прервался и на рубеже XX-XXI вв.

В сборник памяти Коста Хетагурова, посвященный 80-летию со дня его рождения, вошел еще один перевод

Городецкого стихотворения Харитона Плиева, написанного в честь автора «Осетинской лиры». Оно носит ярко выраженный лиро-эпический характер с очевидной балладной стилизацией. Композиционное и смысловое разделение стихотворения на две части подчеркивает его драматизм — в первой части еще нет упоминания имени Коста, это экспозиция, пронизанная сочувствием к тяжелой жизни обездоленных осетин: Сау мигътае рагаей Ирыстонаыл бадтысты, Адаем дзынаэтой «мае калдтой цаэссыг. Хуры фæлмæн тынтае арваей нае кæстысты, Никуы сае батаэфсти хохаг маэссыг...

В горных расселинах
Ночь ходит черная,
Смокли аулы под тучами сна.
Светлой улыбкою
С неба просторного
Не засверкает лукаво луна...
Первая строфа является фольклорным параллелизмом для второй:
Кодта-иу сау сагъае сидзæргæс сидзæртыл,
Рухс дæр æм нал каст, йæ зæрдæ тыдта.
Ус-иу ныффæлдаехт йæ мойаен йæ ингæныл,
Рустаем лæбургае, йæ цардыл куыдта...

Звездам не радуясь,
Дети голодные
Жалобно к матери жмутся родной.
В сердце их матери
скорбь безысходная,
Мрачная скорбь поселилась давно...

В данном контексте параллелизм служит не для контраста, а для соответствия — суровый горный безлунный ночной пейзаж усиливает трагическую экспрессию переживаний вдовы-осетинки, которой нечем накормить голодных детей. Каждому, кто знаком с поэзией Коста, реминисценция на его известное стихотворение «Сидзæргæс» («Мать сирот») узнаваема. Смелое использование аллюзий и реминисценций как главного поэтического приема — особенность этого стихотворения Плиева. Описание тяжелой жизни

женщины напоминает стихотворения Хетагурова «На смерть горянки», «Сестре», «Чи дæ?»; жизненные тяготы бедняка-осетина соотносятся со стихами «Ракæс!», «Мæгуыры зæрдæ», «Зима» др. Имя Коста появляется только в 8-й строфе, когда автор сообщает о рождении великого сына осетинского народа и одновременно о его раннем сиротстве:

Нары гæмæх хæхты, цъитиджын урс хæхты
Райгуыр дæртон поэт Хетаджы-фырт.
Амард йæ ныййарæг. Сæгъæссаг тухитæ...
Саби дæр сидзæрæй баззади ныр.
Мады фæлмæн риутыл фаг хаст нæ бай-
æфта,
Цардæй нæ федта рæвдыд æмад.
Алы зындзинæдтæ сау цардæй равзæрста,
Кодта уый сабийæ удхар, фыддзард...

Между утесами,
В горном селении,
Где ручейков пролегают пути
Радостью родины
Было рождение
В Наре великого Хетагкати.
В пытках мучения
Невыносимого
Рано скончалась несчастная мать.
Ласки не ведая
Сердца родимого,
Он сиротой остался страдать...

Автор, а вслед за ним и переводчик драматизируют сиротское детство Коста, используя реминисценции нескольких его стихотворений, в которых с горечью звучит эта тема («Да, я уж стар...», «Хъуыбады», «Сидзæргæс»). Полные драматизма интонации слышны в строфе, где использована аллюзия на знаменитое стихотворение Хетагурова «Додой», символизирующее его мощный поэтический дар сопереживания и сочувствия страданиям и чаяниям осетинского народа, готовность посвятить ему жизнь:

Байрæзт, йæ фæндырæй «Додой» ныззарыди
Дардыл ныййазæлыд арвы нæрдау.
Цъити фæджихау и, сау айнаг барызти,

Къæдзæх цæлхъытæй фæйнаердæм фæхауд...
Но песнопение
Загрохотало в нем,
Громоподобно запел он «Додой».
Лед в изумлении
Дрогнул меж скалами
Щебнем утес разлетелся седой...

Природа одушевляется, она ликует по поводу рождения истинно народного поэта...

В финале стихотворения звучит горькое сожаление о ранней кончине Коста и в то же время радостная уверенность в бессмертии его творчества: Аскъуыд йæ хъис фæндыр, ацух йæ тар бæстæй,

Дæттæ æд хъæрджитæ кодтой фæдис...
Фидар нæ зæрдæты бахызт йæ буц Лирае,
Хъустыл йæ зæлланг æдзухæй цæуы.
Уымæн æй адæм куы бауарзтой тынг бирæ,
Уымæн ын абон куы дæттæм ныр цыт

[18, 65-67].

Умер наш песенник,
Струны оборваны,
Реки вскипели, вздымая народ...
Песня рабочая
С огненной силою
Врезалась в сердце нам. Вот почему
Помним поэта мы
И над могилою
Памятник свой воздвигаем ему

[19, 165-167].

Общепризнано мнение о том, что даже самый лучший поэтический перевод не превосходит оригинала, но, к чести Городецкого, можно с уверенностью сказать, что его переводы осетинской поэзии отличаются высоким уровнем профессионализма, что во многом обусловлено его огромным опытом именно в этой области литературного труда. Он не педантично ориентируется на подстрочник, а вкладывает душу в поэтический текст, будь то нартовская легенда о его любимых героях Ацамазе и Агунде или история Амрана — могучего, но бессильного Прометея, героя Да-

редзановского эпоса; плач по чтимому в Осетии Кирову или хвалебная песнь в честь великого Коста Хетагурова. У Городецкого особое отношение к поэзии Коста, знакомством с которым он обязан старшему брату, известному ученому-архивисту и литературоведу Борису Митрофановичу Городецкому, лично знакомому с осетинским поэтом, посвятившему ему несколько работ. Любовь и уважение к личности Хетагурова, к его творчеству Городецкий пронес через всю жизнь. Последнее стихотворение, «Памяти Коста Хетагурова», по какой-то причине не опубликованное им, было написано в 1946. Рукописный черновой вариант и машинописный текст хранятся в Научном Архиве СОИГСИ, в фонде Городецкого. Это стихотворение было рассмотрено в одной из статей, посвященных осетинским контактам Сергея Митрофановича [6].

Таким образом, обращение известного русского поэта С.М. Городецкого к осетинским эпосам и литературе, незаслуженно оказавшееся почти незамеченными в национальном литературоведении и критике, достаточно плодотворно, оно заняло значимое место в истории русско-осетинских литературных связей.

Наиболее тесные дружеские и творческие контакты связали Городецкого с известным осетинским поэтом и переводчиком Харитоном Плиевым, а основным объектом этих контактов стал Коста Хетагуров — человек и поэт.

Восхищение его многогранным талантом, народность и гражданственность творчества, преданность простым людям, глубокое понимание устного народного творчества не могли не привлечь к нему внимания русского поэта, почти современника Коста. Их многое объединяло: при-

надлежность к культуре рубежа веков, в которой определился их творческий метод, связь с фольклором, мифологичность мышления, интернационализм, роль Петербурга в формировании художественного вкуса и самое главное — любовь к родине. В.И. Абаев в статье «Осетинский народный поэт Коста Хетагуров» писал: «...могучим фактором, оплодотворившим творчество Коста, был богатый осетинский фольклор, отличным знатоком, ценителем и собирателем которого он был» [20, 545]. Эти слова в полной мере могли бы быть отнесены и к С. Городецкому. Не случайно его биограф С. Машинский отмечает: «Поэт творит оригинальные мифологические образы, в которых причудливо сплетаются отголоски языческих верований, достоверной старины, обрядовых игр, традиций, народной поэзии... Обогащенный фольклорными мотивами, вобрав в себя элементы древнерусской речи, он открывался читателю какими-то совершенно новыми гранями» [5, 10-11].

Абаев в указанной выше работе восхищается талантом Коста «говорить с народом о том, что его больше всего волнует, и в такой форме, которая покоряет его и захватывает без остатка... и поэтому он стал поэтом народным в самом высоком и полном значении этого слова» [20, 546]. В свою очередь, все творчество Городецкого так же проникнуто идеей любви к родине, служения народу и желания увидеть его счастливым:

Горе метит долю нашу.
Нет на родине венца.
Но хочу испить я чашу
Вместе с нею до конца...
Русь окована печалью,
Но уж снятся детям сны,
Что под траурной вуалью
Светит кроткий лик весны [21, 444].

Эти строки русского поэта созвучны
пламенным стихам К. Хетагурова:

...Люблю я целый мир, люблю людей
бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных сирот,
Но больше всех люблю, чего скрывать
позорно? —

Тебя, родной аул и бедный наш народ...
[22, 162].

Городецкий был покорен готовно-
стью Коста принести любую жертву

ради счастья своего народа, которая
звучит в его стихах:

...Я счастья не знал, но я готов свободу,
Которой я привык как счастьем дорожить.
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить
[22, 201].

Именно поэтому главной составля-
ющей осетинской темы в творчестве
С.М. Городецкого стала поэзия Коста
Хетагурова.

1. Аннинский Л. Серебро и чернь. Русское, советское, славянское, всемирное
в поэзии Серебряного века. М., 1997.

2. Басинский П., Федякин С. Русская литература конца XIX — начала XX века
и первой эмиграции. М., 2000.

3. Долгополов Л. К. На рубеже веков: о русской литературе конца XIX — начала
XX века. Л., 1977.

4. Пайман А. История русского символизма. М., 2000.

5. Городецкий С. Избранные произведения в 2-х тт. М., 1987. Т. 1.

6. Абисалова Р. Н. «Влюбленный в Кавказ»: С. Городецкий в Осетии // Известия
СОИГСИ. 2019. Вып. 33 (72). С. 87-103.

7. Городецкий С. М. Ацамаз и Агунда // Вольный горец. 1920. 7 января.

8. Джусойты Н. Г. Елбасдуко Бритаев. Цхинвал, 1963.

9. Дзаттиаты Г. П. Творчество Елбыздыко Бритаева в осетинской литератур-
ной критике. Цхинвали, 1982.

10. Бритаев Е. Еще о скованном Прометее // Баку. 1909. № 212.

11. НА СОИГСИ. Ф. С. М. Городецкого. Оп. 1. Д. 11.

12. Pliṭy Xariton. Zærdæ. Stalinir. 1938. (на осет. яз.)

13. Городецкий С. Стихотворения. М., 1956.

14. Плиев Харитон. Коста // Пролетарий Осетии. 1936. № 112.

15. Плиев Харитон. Къостамаæ. Юбилей Коста Хетагурова (1859–1939). Орджо-
никидзе, 1941.

16. Достоевский Ф. М. Соч. в 10-ти тт. М., 1958. Т. 10.

17. Блок А. О лирике. Соч. в 8-ми тт. М.-Л., 1962. Т. 5.

18. Плиты Харитон. Уацмыстæ. Иу томæй. Орджоникидзе, 1972. (на осет. яз.)

19. Коста Хетагуров: Сборник памяти великого осетинского поэта/под ред.
А. А. Фадеева. М., 1941.

20. Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикав-
каз, 1990.

21. Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Л., 1974.

22. Хетагуров К. Л. Полн. собр. соч. в 5-ти т. Владикавказ, 1999. Т. 2.

Abisalova, Raisa N. — V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); raisa-abisalova@yandex.ru

S. GORODETSKY AND OSSETIAN LITERATURE.

Keywords: S. M. Gorodetsky, the turn of the century, «Silver Age», poetry, the Caucasus, Ossetia, translation, Kh. Pliev, K. Khetagurov.

One of the significant problems of world art culture is the problem of the interconnection and mutual influence of literature. It is even more relevant in Russia, which is positioned as a multinational state. Therefore, the role of intercultural dialogue between Russian and Ossetian literature, which arose at the end of the 19th century, only increased in the following decades. The work of the outstanding Russian poet, prose writer, translator, journalist, teacher and artist Sergei Mitrofanovich Gorodetsky, who entered the Russian literature at the turn of the 19th and 20th centuries as part of the Silver Age culture, seems to be tangible in the development of this dialogue. This era was the pride of Russian literature, giving the world A. Blok, A. Akhmatov, S. Yesenin, I. Bunin, V. Bryusov, N. Gumilyov, K. Balmont, O. Mandelstam, V. Mayakovsky, M. Voloshin and many others. S. Gorodetsky's heritage is striking in its genre diversity — poetry, prose, dramaturgy, opera libretto, journalism, criticism, literary articles, and translations. His long work developed under the influence of Russian folklore, symbolism, neo-romanticism, neo-mythology, he formulated the tasks of acmeism. The proposed work is dedicated to the Ossetian literary connections of Gorodetsky, which are practically not reflected either in his biographies or in his studies of his creations. In 1919, the journalistic fate brought the poet to the Caucasus. His acquaintance with Ossetia began with the Nart epic, with the translation in 1920 of the Nart legend of Atsamaz and Agunda. In 1928, he turned to the Ossetian Daredzan epic and the work of the Ossetian playwright E. Britaev, creating the libretto of the opera *Amran*, staged in the Bolshoi Theater. In the 30s, a new period in the Ossetian literary relations of Gorodetsky began with his acquaintance with the poet Khariton Pliev. The beginning of their creative friendship was the translation of the poem by Kh. Pliev «Ænækhuyssæg ækhsæv», written on the death of Kirov. Gorodetsky, an experienced translator, made considerable efforts in the search for the adequacy of imagery, artistic features, and expressiveness of Ossetian poetic speech. The knowledge acquired in the mid-1920s, when he visited Ossetia as a correspondent for the *Izvestia* newspaper, got acquainted with its ethnography, culture, epos, rites and customs, and met with the people of Ossetia, helped him a lot. Then Gorodetsky turned to the image of the outstanding Ossetian poet Kosta Khetagurov, whose love, due to the common ideological orientation of their work, attitude to the people, to folklore, remained unchanged until the end of his life. The article considers the translations of Gorodetsky poems by Khariton (Hado) Pliev dedicated to Kosta. They are distinguished by the high quality of translation, deep penetration into the specifics of Ossetian poetic speech, the artistic thinking of national poets, their spiritual and moral values. Gorodetsky's poem «Kosta Khetagurov», written in 1939 for the poet's anniversary and read by him at the celebrations in Vladikavkaz (then Ordzhonikidze), is also analyzed. A few decades later, this poem was translated into Ossetian by the poet Haji-Murat Dzutstsati.

REFERENCES

1. Anninsky, L. *Serebro i chern». Russkoe, sovetskoe, slavyanskoe, vseмирное v poezii Serebryanogo veka* [Silver and black. Russian, Soviet, Slavic, universal in the poetry of the Silver Age]. Moscow, Knizhnyi sad, 1997. 224 p.
2. Basinsky P., Fedyakin, S. *Russkaya literatura kontsa XIX — nachala XX veka i pervoi emigratsii* [Russian literature of the late 19th — early 20th century and of the first emigration]. Moscow, 2000. 524 p.
3. Dolgopolov, L. K. *Na rubezhe vekov: o russkoi literature kontsa XIX — nachala XX*

veka [At the turn of the century: about Russian literature of the late 19th — early 20th century]. Leningrad, Sovetskii pisatel», 1977. 364 p.

4. Paiman, A. *Istoriya russkogo simvolizma* [History of Russian symbolism]. Moscow, 2000. 415 p.

5. Gorodetsky, S. *Izbrannyye proizvedeniya v 2-kh tt.* [Selected works in 2 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1987, vol. 1. 479 p.

6. Abisalova, R. N. «Vlyublennyi v Kavkaz»: S. Gorodetsky v Osetii [«Enamoured With The Caucasus»: S. Gorodetsky In Ossetia]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social studies]. 2019, iss. 33 (72), pp. 87-103.

7. Gorodetsky, S. M. *Atsamaz i Agunda* [Atsamaz and Agunda]. *Vol»nyi gorets* [Free mountaineer]. January 7, 1920.

8. Dzhusoity, N. G. *Elbasduko Britaev* [Elbasduko Britaev]. Tskhinval, 1963.

9. Dzattiaty, G. P. *Tvorchestvo Elbyzdyko Britaeva v osetinskoj literaturnoj kritike* [Elbyzdyko Britaev»s works in the Ossetian literary criticism]. Tskhinvali, 1982.

10. Britaev, E. *Eshche o skovannom Prometeje* [Once more about fettered Prometheus]. *Baku* [Baku]. 1909, no. 212.

11. *Nauchnyy arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial»nykh issledovaniy* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund of S. M. Gorodetsky. Inventory 1. Case 11.

12. Plity Xariton. *Zærdæ* [The Heart]. Stalinir, 1938. (in Ossetian)

13. Gorodetsky, S. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, 1956.

14. Pliev Khariton. *Kosta* [Kosta]. *Proletarii Osetii* [Proletarian of Ossetia]. 1936, no. 112.

15. Pliev Khariton. *K»ostamæ. Yubilei Kosta Khetagurova (1859–1939)* [Kosta. Kosta Khetagurov»s anniversary (1859–1939)]. Ordzhonikidze, 1941.

16. Dostoevsky, F. M. *Sochineniya v 10-ti tt.* [Works in 10 vols]. Moscow, 1958, vol. 10. 621 p.

17. Blok, A. *O lirike* [About the lyrics]. *Sochineniya v 8 t.* [Works in 8 vols]. Moscow-Leningrad, 1962, vol. 5. 884 p.

18. Plity Khariton. *Uatsmystæ* [Poems]. Ordzhonikidze, 1972. 387 p. (in Ossetian)

19. Fadeev, A. A. (ed.) *Kosta Khetagurov: Sbornik pamyati velikogo osetinskogo poeta* [Kosta Khetagurov: Collection in memory of the great Ossetian poet]. Moscow, 1941. 250 p.

20. Abaev, V. I. *Izbrannyye trudy. Religiya. Fol»klor. Literatura* [Selected Works. Religion. Folklore. Literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990, vol. 1. 638 p.

21. Gorodetsky, S. *Stikhotvoreniya i poemy* [Rhymes and poems]. Leningrad, 1974. 640 p.

22. Khetagurov K. L. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works]. Vladikavkaz, 1999, vol. 2. 402 p.